

ПРАВА ЧЕЛОВЕКАDOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-3-31-44>

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 17.05.2021
Принята к публикации: 06.07.2021

Лев Александрович ЛАЗУТИН

Уральский государственный юридический университет
Комсомольская ул., д. 21, Екатеринбург, 620137, Российская Федерация
mp@usla.ru
ORCID: 0000-0002-3479-6612

Максим Александрович ЛИХАЧЕВ

Уральский государственный юридический университет
Комсомольская ул., д. 21, Екатеринбург, 620137, Российская Федерация
m.a.likhachev@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7848-5007

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ЕДИНСТВО РОССИЙСКОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА, КОНКУРЕНЦИЯ РЕШЕНИЙ СУДОВ

ВВЕДЕНИЕ. Возведение в разряд конституционной ценности т. н. права Российской Федерации на возражение путем отказа от исполнения решений международных судов предопределяет новое прочтение ч. 4 ст. 15 отечественной Конституции. Хотя содержательно конституционная новелла 2020 г. в этой части привносит мало нового, о приоритете Конституции России над международными обязательствами государства Конституционный Суд недвусмысленно высказался еще в июле 2015 г.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В качестве иллюстрации намерения создателей Основного закона в статье приводится краткое описание некоторых реплик, озвученных в ходе дискуссии во время Конституционного совещания 1993 г. Рассмотрение исторических оснований конституционных норм подкрепляется оценкой текущей правоприменительной ситуации на отдельном, крайне выборочном, но иллюстративном примере. Кроме того, используются формально-юридический, логический, системный анализ соответствующих конститу-

ционных норм, составляющих каркас отечественного правозащитного механизма.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Международно-правовые установки Конституции РФ не ограничиваются лишь упомянутой ч. 4 ст. 15. Создатели Основного закона в 1993 г. заложили принципиальные основы механизма защиты прав человека и его свобод с учетом высоких международных стандартов. Именно общепризнанные принципы и нормы международного права (ч. 1 ст. 17 Конституции) и в некоторых случаях международные договоры (ч. 4 ст. 15) призваны служить твердой гарантией от своеволия со стороны государства и его органов в вопросе ограничения прав человека (ч. 3 ст. 55). Дополняет эту сложную международно-ориентированную систему право каждого гражданина на защиту своих интересов в межгосударственных органах после исчерпания внутренних средств (ч. 3 ст. 46).

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Является ли значимым то, что Конституционный Суд России в Заключении относительно конституционных по-

правок 2020 г. оставил без предметного анализа органическую связь международных обязательств государства с обязательствами в области защиты прав человека внутри страны? Этот вопрос остается открытым, поскольку речь идет об эффективности предусмотренного авторами Конституции России прогрессивного правозащитного механизма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Конституция Российской Федерации, основы конституционного строя, права человека, общепризнанные принципы и нормы

международного права, право на возмещение, международные стандарты прав человека

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лазутин Л.А., Лихачев М.А. 2021. Права человека: единство российского и международного права, конкуренция решений судов. – Московский журнал международного права. №3. С. 31–44. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-3-31-44>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

HUMAN RIGHTS

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-3-31-44>

Lev A. LAZUTIN

Ural State Law University
21, ul. Komsomolskaya, Yekaterinburg, Russian Federation, 620137
mp@usla.ru
ORCID: 0000-0002-3479-6612

Maksim A. LIKHACHEV

Ural State Law University
21, ul. Komsomolskaya, Yekaterinburg, Russian Federation, 620137
m.a.likhachev@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7848-5007

Research article
Received 17 May 2021
Approved 6 July 2021

HUMAN RIGHTS: INTEGRITY OF THE RUSSIAN AND INTERNATIONAL LAW, COMPETITION OF COURTS DECISIONS

INTRODUCTION. The amendments to the Russian Constitution 2020 challenged de novo the international law prevalence and led the Russia's way to find its own perception of international law. Although the amendments did not introduce drastically substantive modifications of the international law modus operandi in the national legal system nevertheless they shifted the constitutional focus. The former one was built on the

presumption of the juridical consistency of the constitutional order and Russia's international commitments. Today there's the a priori allegation of possible conflicts between requirements of the Constitution and judgment of international courts.

MATERIALS AND METHODS. The paper comprises short historical analysis of the internationally meaningful rules of the Constitution in its comparison to the

current legal situation in Russia. Rather superficial but illustrative juridical overview of the relevant constitutional provisions with their domestic legal counterparts demonstrates the significance and practical efficiency of the concomitant interpretation of the constitutional rules and Russia's international obligations.

RESEARCH RESULTS. *Such a shift paradigmatically is still pending new interpretation of the constitutional fundamentals. At least they need different construction to be concomitant to the refusal mechanism (as regards international judgments). Still unchanged verbatim the constitutional fundamentals provide for proliferated mechanism of the human rights protection under international law with in domestic order and still require the concordant interpretation of the international commitments and constitutional rules.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The modified constitutional landscape shifted drastically the international law priority in the Russian legal system. Although*

the international law leaves to the State's choice to determine internally the status of its international commitments the constitutional fundamentals (left untouched verbatim) still require international law priority. The constitutionally enclosed human right protection mechanism emphasizes such priority.

KEYWORDS. *Constitution of the Russian Federation, fundamentals of the constitutional order, human rights, general international law; right to refusal, international human rights standards*

FOR CITATION: Lazutin L.A., Likhachev M. A. Human Rights: Integrity of the Russian and International Law, Competition of Courts Decisions. – *Moscow Journal of International Law*. 2021. No.3. P. 31–44. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-3-31-44>

The authors declare the absence of conflict of interest.

1. Введение. Динамика вопроса: 1993 г. vs 2021 г.

Каждой эпохе свойственен свой специфический дух. Одни и те же слова, произнесенные в разное время в разных местах и даже разными людьми, имеют разную ценность. Трюизм, но контекст задает смысл текста.

В ознаменование 25-летия Конституции России тогдашний председатель российского правительства и нынешний заместитель главы Совета безопасности РФ Д. А. Медведев опубликовал программную статью, не только трезво описавшую уже сложившиеся принципы отечественного правоприменения, но и, осмелимся предположить, задавшую тон правозащитной практике государства на следующие несколько лет [Медведев 2018:11]. Для полноты понимания идеи приведем обширную цитату: «Признавая и защищая права человека, российская Конституция устанавливает пределы притязаний на защиту таких прав, не признавая правами те, которые явно

входят в конфликт с ценностями, традиционными для российского общества. Тем самым сама идея прав человека получает новое прочтение по отношению к другим конституциям и обозначает особый, оригинальный и нестандартный подход к восприятию прав человека». В дополнение к этому автор рассуждает о вызовах «равноправному диалогу между национальным и международным правосудием» и о «внешнем вторжении» в «судебный и юридический суверенитет страны».

Дадим несколько субъективных комментариев – читатель пусть рассудит. Важный посыл статьи: права человека – претензия человека к государству; не все права человека входят в круг охраняемых государством ценностей российского общества, возможно даже противоречие между первыми и вторыми; в некоторых ситуациях права человека – инструмент внешнего вторжения в отечественный суверенитет; наконец, самое важное – презумпция ограниченности прав человека общественно значимыми интересами¹.

¹ Любопытно, что именно такая логика баланса частного и публичного интереса, прав человека и общественно значимых целей отражена в постановлении Конституционного Суда России по санитарным ограничениям свободы передвижения на основе решения региональных властей. См.: Постановление Конституционного Суда РФ № 49-П от 25 декабря 2020 г. по делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 Постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предот-

Таково прочтение российской конституции в 2018 г. Есть все основания полагать, что парадигма не изменилась и в 2021 г.

В 1993 г. на Конституционном совещании, где и родился толкуемый Д. А. Медведевым спустя 25 лет текст, Т. Г. Морщакова², тогда судья Конституционного Суда РФ, при обсуждении редакции сегодняшней ч. 1 ст. 17 Конституции заявила: «Не стоит так экономить на правах человека»³. Для объективности картины приведем еще несколько интересных цитат членов этого совещания, ясно иллюстрирующих эмоциональный тон события: «...не все права человека перечислены в Конституции... не только международное право, писаное право, связывает нас, но и принципы международного права, которые время от времени получают новое наполнение»⁴ [тут и далее курсив наш – Л.Л., М.Л.], «... эти стандарты [в области прав человека] в ряде случаев выражены не в международных договорах, ратифицированных Российской Федерацией. Часть этих документов принимается голосованием, некоторые из них на Генеральной Ассамблее в органах Организации Объединенных Наций даже не голосуются, но они признаются всем международным сообществом. То есть эти стандарты много богаче, нежели то, что зафиксировано в международном договоре и ратифицировано»⁵; «наш стандарт [по правам человека] не может быть ниже. И в этом смысле минимум задается

международным уровнем, а мы можем наращивать его сколько угодно, если у нас духу хватит»⁶.

Позволим себе и тут несколько субъективных комментариев. Создатели Конституции определенно закладывали в нее идею прав человека как высшего блага и приоритетной ценности для общества и, тем более, для государства [Алексеев 2009:12,28]. Непременная основа такого статуса – наличие –конституционных гарантий с международными, поскольку последние в меньшей степени зависят от отдельного государства и его политики; презумпция аксиологического приоритета международного права в деле защиты прав человека.

Таково было понимание Конституции, создаваемой в 1993 г. Есть все основания полагать, что парадигма существенно изменилась в России XXI века [Исполинов 2020:65-66]⁷. Конституционная реформа 2020 г. обозначила ценностные основания таких изменений.

2. Реформа Конституции 2020 г.: взгляд изнутри (самой Конституции)

Конституционная реформа 2020 г. оставила нетронутыми основополагающие положения гл. I и II Конституции России⁸. А их предписания, продиктованные духом приоритета прав человека и признания их высшей ценностью (ст. 2), недвусмысленно создают уравновешенную систему

вращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области. Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372430/ (дата обращения: 15.05.2021).

² Татьяна Георгиевна Морщакова – судья Конституционного Суда РФ в 1991–2002 гг., член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека в 2004–2019 гг.

³ Конституционное совещание. Стенограммы, материалы, документы. 29 апреля - 10 ноября 1993 г. В 20 томах. Т. 19. Под общ. ред. С. А. Филатова, В. С. Черномырдина, С. М. Шахрая, Ю. Ф. Ярова, А. А. Собчака, В. Ф. Шумейко. М.: Издательство «Юридическая литература. 1995. С. 23.

⁴ Реплика директора Правового департамента МИД РФ Е. М. Прохорова. См.: Конституционное совещание. Стенограммы, материалы, документы. 29 апреля – 10 ноября 1993 г. В 20 томах. Т. 2. Под общ. ред. С. А. Филатова, В. С. Черномырдина, С. М. Шахрая, Ю. Ф. Ярова, А. А. Собчака, В. Ф. Шумейко. М.: Издательство «Юридическая литература. 1995. С. 104.

⁵ Реплика руководителя рабочей группы Государственно-правового управления Президента РФ И. Ю. Стецовского. См.: Конституционное совещание. Стенограммы, материалы, документы. 29 апреля – 10 ноября 1993 г. В 20 томах. Т. 3. Под общ. ред. С. А. Филатова, В. С. Черномырдина, С. М. Шахрая, Ю. Ф. Ярова, А. А. Собчака, В. Ф. Шумейко. М.: Издательство «Юридическая литература. 1995. С. 282.

⁶ Реплика Т.Г. Морщаковой. См.: Конституционное совещание. Стенограммы, материалы, документы. 29 апреля - 10 ноября 1993 г. В 20 томах. Т. 19. Под общ. ред. С. А. Филатова, В. С. Черномырдина, С. М. Шахрая, Ю. Ф. Ярова, А. А. Собчака, В. Ф. Шумейко. М.: Издательство «Юридическая литература. 1995. С. 24.

⁷ См. также: Loffe Y. The Amendments to the Russian Constitution: Putin's Attempt to Reinforce Russia's Isolationist Views on International Law?. – *EJIL Talk*. January 29, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/the-amendments-to-the-russian-constitution-putins-attempt-to-reinforce-russias-isolationist-views-on-international-law/> (accessed 15.05.2021).

⁸ Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» № 1-ФКЗ от 14 марта 2020 г. Доступ: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003140001> (дата обращения: 15.05.2021).

правозащиты, основанную на приоритете международного права. В этом смысле ограниченными выглядят предложения противников такого приоритета решить проблему, внося изменения в ч. 4 ст. 15⁹ [Бастрыкин 2008]. Эта норма – пусть и важная, но лишь одна из ряда конституционных гарантий обеспечения прав в соответствии с наивысшими универсальными стандартами.

Надобности в обширных пояснениях содержания конституционной нормы ч. 4 ст. 15 мы не видим. Отметим лишь: здесь Конституция России устанавливает механизм (основания, условия, последствия) прямого действия общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ в отечественной правовой системе, гарантируя приоритет конвенционных обязательств государства над его законодательством [Белов 2020; Зимненко 2010; Иваненко 2010:31; Исполинов 2017:79; Марочкин 2011; Пунжин 2010:254]¹⁰. В международно-правовом измерении ч. 4 ст. 15 Конституции – генеральная норма, обеспечивающая «присутствие» международного права в российском правовом порядке [Черниченко 2017: 27].

Неотъемлемой частью конституционного режима защиты прав человека выступают гарантии ч. 1 ст. 17 Конституции. Приведенные выше реплики участников Конституционного совещания 1993 г. как раз касались разработки именного текста этой нормы. Общепризнанные принципы и нормы международного права непосредствен-

но действуют в отечественной правовой системе (ч. 4 ст. 15) и определяют смысл и содержание прав человека (ч. 1 ст. 17). В постановлении от 14 июля 2015 г. Конституционный Суд РФ определил совершенный приоритет Конституции России над всеми иными нормами, в т. ч. и международными, действующими в национальном правовом порядке: «Российская Федерация обязана обеспечивать в рамках своей правовой системы верховенство Конституции, что вынуждает ее в случае возникновения каких-либо коллизий в этой сфере... отдавать предпочтение требованиям Конституции и тем самым не следовать буквально постановлению Европейского Суда по правам человека в случае, если его реализация противоречит конституционным ценностям»¹¹.

В этом смысле для правоприменителя вопрос решен и поставлена точка в академических спорах *de lege lata*. Однако сложно удержаться и не привести реплики участников дискуссии на Конституционном совещании. Такие оценки уверенно перешли в разряд *lex ferenda*. Так, итог спорам о соотношении национальной конституции и международных обязательств государства подвел академик Б. Н. Топорнин, сформулировавший идею сопряженности содержания Конституции и международно-правовых гарантий прав человека. По его мнению, важно «продемонстрировать лояльность» к «международным стандартам» и «собственной Конституции». При этом, как он подчеркивал, приоритет за пер-

⁹ Бастрыкин А.И. предложил избавить Конституцию от норм международного права. – РБК. 23.07.2015. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/23/07/2015/55b134f99a7947c75371e03b> (дата обращения: 17.05.2021).

¹⁰ Академического материала на этот счет бесчисленное множество. Не отдавая предпочтения отдельным авторам и их работам, в качестве исходных обозначим несколько официальных актов, прескриптивно раскрывающих смысл и условия функционирования этой конституционной нормы: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»; Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П по делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы.

¹¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П. «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней", пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы». Доступ: <https://rg.ru/2015/07/27/ks-dok.html> (дата обращения: 15.05.2021).

выми: «если [Основной] закон противоречит каким-то международным нормам, надо тогда посмотреть, какой закон мы принимаем. А если этот закон соответствует нормам, как мы сейчас это понимаем, то надо сказать о том, что мы прежде всего на него ссылаемся»¹². В ответ руководитель Администрации президента Б.Н. Ельцина С. А. Филатов предложил формулировку, вошедшую в финальный текст – «согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с действующей Конституцией». Причем автор клаузулы заключил: «Вот я и хочу слово “Конституция” поставить на нужное место», ибо «здесь нужно отдать приоритет международным договорам»¹³.

Осознанно отстраняясь от проблемы соотношения Конституции России и норм международного права (подчеркнем снова – Конституционный Суд высказался на этот счет совершенно ясно), заметим особую, приоритетную в сравнении с российским законодательством роль общепризнанных принципов и норм международного права в области защиты прав человека. Такие принципы и нормы призваны служить гарантией против законодательного злоупотребления при ограничении прав человека.

Материально-правовые противовесы правоограничительной ретивости государства дополнены процедурными условиями. Часть 3 ст. 46 Конституции России устанавливает конституционное право граждан на обращение в межгосударственные органы по защите прав человека при исчерпании внутригосударственных правозащитных средств. Даже если национальная система, ориентированная на общепризнанные принципы и нормы международного права (ч. 4 ст. 15 и ч. 1 ст. 17), не сумеет удовлетворить правомерный интерес человека, давшего государству возможность исправить ситуацию (и исчерпавшего внутригосударственные средства), у гражданина всегда есть возможность обратиться к тем, кто в силу межгосударственных договоренностей пользуется преимуществом в установлении таких общепризнанных принципов и норм. Например, такие prerogatives есть у Европейского Суда по правам человека [Вайпан

2016:107–124. Даже критики Суда признают аксиологическое значение ч. 3 ст. 46 Конституции [Новосельцев, Степанюгин 2021:53].

Логически довершает и, не побоимся такой оценки, *verbatim* доводит до совершенства механизм защиты прав человека ст. 55 Конституции. Толкуемая системно, с учетом ее смыслового и функционального места в конституционном тексте, она устанавливает как минимум три фундаментальных гарантии против возможных злоупотреблений со стороны государства при ограничении прав человека. Во-первых, приоритет общепризнанных прав и свобод человека и гражданина утвержден в недопустимости их отрицания или умаления только лишь потому, что они не входят в конституционный перечень поименованных прав (ч. 1). Во-вторых, в России недопустимо принимать законы, отменяющие или умаляющие права человека, в т. ч. и те, которые подтверждены на уровне общепризнанных принципов и норм международного права (ч. 2 ст. 55 в связке с ч. 1 ст. 17). В-третьих, презумпция неограниченности прав человека в содержании и действии подкреплена *numerus clausus* исключений из этого принципа: «в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» (ч. 3 ст. 55).

Конституционный Суд РФ неоднократно обращал внимание на органическую связь соответствующих положений ст. 15, 17, 46 и 55 Конституции России, образующих корпус твердых конституционно-правовых гарантий соблюдения и обеспечения международно признанных прав и свобод человека. Международные обязательства России в правозащитной области коррелируют с конституционно признанной обязанностью исполнять и гарантировать права человека в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права. В случае же, если система дает сбой, у гражданина есть конституционное право призвать государство к ответственности – обратиться с жалобой в межгосударственные органы по защите прав человека.

¹² Конституционное совещание. Стенограммы, материалы, документы. 29 апреля – 10 ноября 1993 г. В 20 томах. Т. 19. Под общ. ред. С. А. Филатова, В. С. Черномырдина, С. М. Шахрая, Ю. Ф. Ярова, А. А. Собчака, В. Ф. Шумейко. М.: Издательство «Юридическая литература». 1995. С. 28.

¹³ Там же. С. 29.

Так, относительно связи ч. 1 ст. 17 и ч. 3 ст. 46 Конституционный Суд писал: «...РФ не вправе уклоняться от адекватного реагирования на сообщения Комитета по правам человека... Иное не только ставило бы под сомнение соблюдение РФ добровольно принятых на себя в рамках Международного пакта о гражданских и политических правах обязательств и тем самым свидетельствовало бы о неисполнении закрепленной статьями 2 и 17 (часть 1) Конституции РФ обязанности государства признавать и гарантировать права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, но и обесмысливало бы вытекающее из статьи 46 (часть 3) Конституции Российской Федерации право каждого обращаться в соответствии с данными международными договорами в Комитет по правам человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты»¹⁴.

Связь ч. 4 ст. 15 и ч. 3 ст. 46, по мнению Суда, заключается в том, что «согласно Конституции РФ каждый вправе в соответствии с международными договорами обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты (статья 46, часть 3). В корреляции с названным положением Конституции РФ находятся предписания ее статьи 15 (часть 4), устанавливающей, что международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы»¹⁵. При этом в полной мере выводы Конституционного Суда о месте Европейской

конвенции по правам человека в российской правовой системе *mutatis mutandis* можно отнести к нормам международного права вообще: «Права и свободы человека, закрепленные в Конституции РФ и Конвенции, совместимы по существу: расхождения же возникают в результате их интерпретации Европейским Судом», а «присоединение к Конвенции и участие в ней России обусловлены самим принятием, соблюдением и действием Конституции Российской Федерации» [Исполинов 2017:80-81]¹⁶.

Хотя конституционная реформа 2020 г. оставила нетронутыми положения глав I и II Конституции, нельзя отрицать влияние поправок к ст. 79 и обслуживающих ее изменений в ст. 125 на базис отечественного правопорядка [Исполинов 2020:63; Mälksoo 2021:88]. Как минимум возможность отказа от исполнения решений межгосударственных органов по защите прав человека непосредственно касается конституционного права на обращение в такие органы по ч. 3 ст. 46. Осознанно обходим стороной оценку совместимости фундаментальной гарантии, составляющей основу конституционного строя (ст. 46 гл. II), и обновленной ст. 79 – это вопрос для более детального и отдельного анализа. Однако довольно странным выглядит отсутствие даже попутного упоминания и ст. 17, и ст. 46 Конституции в заключении Конституционного Суда в связи с обновлением конституционной системы¹⁷. Суд удовлетворился оценкой вносимых поправок на предмет их соответствия ч. 4 ст. 15, тем самым проигнорировав свою предшествующую аргументационную практику ана-

¹⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1248-О «По жалобе гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 статьи 403, частью четвертой статьи 413 и частями первой и пятой статьи 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». П. 4. Доступ: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70104350/> (дата обращения: 15.05.2021).

¹⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П. «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней", пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы». Доступ: <https://rg.ru/2015/07/27/ks-dok.html> (дата обращения: 15.05.2021).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти", а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации». Доступ: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003160037?index=1&rangeSize=1> (дата обращения: 15.05.2021).

лиза «международно-правовых» статей Конституции в единой связке (ст. 15, 17, 46 и 55) [Mälksoo 2021:92]. Все доводы Суда ограничиваются двумя утверждениями типа *circulus vitiosus in probando*: «[п]риведенные положения, как это прямо следует из их формулировок, не предполагают отказа Российской Федерации от соблюдения самих международных договоров и выполнения своих международных обязательств, а потому не вступают в противоречие со статьей 15» и «[д]анный механизм предназначен не для утверждения отказа от исполнения международных договоров и основанных на них решений межгосударственных юрисдикционных органов, а для выработки конституционно приемлемого способа исполнения таких решений Российской Федерацией при неуклонном обеспечении высшей юридической силы Конституции Российской Федерации в российской правовой системе, составной частью которой являются односторонние и многосторонние международные договоры России».

В таком случае Конституционный Суд обошел стороной и оставил открытым вопрос о согласовании гарантий ст. 46 и т. н. «права на возражения» Российской Федерации. Аргументированная позиция Суда на этот счет внесла бы свою лепту в обеспечение «верховенств[а] прав человека и национальной конституции» [Исполинов 2020:69] в отечественном правопорядке.

Едва ли уместно напоминать в академической работе о субъективности взглядов авторов текста. Претензия на объективность может быть подкреплена только аргументами и доказательствами. В этом смысле любая оценка авторской позиции как субъективной при наличии доводов в ее подтверждение, скорее, спекуляция. Самонадеянно сочтем свою задачу в части аргументации *de lege lata* выполненной. Задав нужный конституционный контекст, перейдем к нескольким оценкам *de lege ferenda*.

3. Конституция России и международные стандарты прав человека (некоторые оценки)

Сложившееся традиционное понимание правового статуса личности как воплощения прав и свобод, закрепленных в Конституции Российской Федерации и действующих внутригосударственных актах, уже не согласуется с комплексным содержанием такого статуса, поскольку в его регламентации все большую роль играют международно-правовые нормы. Об этом не-

двусмысленно говорится в ч. 1 ст. 17 Конституции Российской Федерации.

В ч. 1 ст. 17 Конституции РФ упущена одна очень важная деталь – ссылка на международные договоры Российской Федерации. Возможно, словосочетание «и в соответствии с настоящей Конституцией РФ», позволяет правоприменителю ссылаться на ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, в которой международные договоры РФ, применяемые непосредственно в деятельности судов, прокуратуры, правоохранительных органов, исполнительной власти и особенно при обеспечении и защите прав человека и гражданина, являются также частью российской правовой системы. Как отмечал профессор Г. В. Игнатенко, «преодоление несогласованности двух конституционных формулировок достижимо лишь посредством устранения отмеченного пробела. Вполне действенным средством является внутриконституционное сопоставление, подразумевающее интерпретацию нормы ч. 1 ст. 17 в контексте нормы ч. 4 ст. 15» [Игнатенко 2003:9]. В таких ситуациях решение проблемы целесообразно искать в согласованном толковании и совмещенном применении указанных конституционных норм.

В качестве примера можно привести общее понимание ч. 2 ст. 37 Конституции РФ, где сказано: «Принудительный труд запрещен...». При этом нет пояснений, уточняющих смысл этого запрета. Между тем международно-правовые акты, в т. ч. конвенции Международной организации труда, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., содержат перечень видов работы или службы, не включаемых в категорию принудительного труда.

Можно считать очевидным, что конституционное предписание должно применяться только в комплексе с положениями названных международных договоров. Сегодня эта задача облегчается, поскольку в Трудовой кодекс РФ, принципы которого основаны на международном праве, включена ст. 4 «Запрещение принудительного труда», дополняющая запрет характеристиками, воспроизводящими либо конкретизирующими международные установления.

В этом контексте справедливо суждение о самостоятельной ценности прав и свобод, закрепленных в международных актах [Peters 2009:190; Peters 2016:192-193]. Весомым аргументом в пользу комплексной оценки статуса личности и

по международному, и по национальному праву являются нормы соответствующих федеральных законов: формулировки ст. 3 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», ст. 7 Гражданского кодекса РФ, ст. 1 Уголовно-процессуального кодекса РФ¹⁸ и другие внутригосударственные нормативные акты, а также практика Конституционного суда РФ, Верховного суда РФ и ряда конституционных и уставных судов субъектов Российской Федерации.

Судам, формулирующим свои решения по делам, понимание которых обусловлено как Конституцией и федеральными законами РФ, так и международными договорами РФ, следует иметь в виду, что и права, закрепленные в Конституции РФ и федеральных законах, и права, сформулированные в Международном пакте о гражданских и политических правах, в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и других международных договорах, являются субъективными правами человека и гражданина с однозначными юридическими последствиями, включая правовую, в т. ч. судебную защиту.

В этом смысле международные стандарты прав и свобод человека имеют двойственную природу. Они, во-первых, предусматривают международные обязательства государства, принятые им по его согласию в результате заключения международного договора или участия в межгосударственной практике, сформировавшей международный обычай. Иными словами, международные стандарты прав человека – это международные обязанности государства.

Во-вторых, такие стандарты непосредственно обращены к их главным бенефициарам – физическим и в некоторых случаях юридическим лицам. Международные стандарты содержат конкретные правомочия, принадлежащие человеку и составляющие содержание его статуса по международному и опосредованно волей государства внутригосударственному праву.

В отечественной доктрине признана т. н. теория медиатации, состоящая в том, что индивид не может прямо обладать правами и нести обязанности по международному праву, не являясь его субъектом [Зимненко 2006:82–96; Иваненко 2010:135–161; Усенко 2008:135; Черниченко

2009:637–640]. Его международно признанные права и свободы обращены лишь к государствам, на которые возлагается обязанность их обеспечения при помощи внутригосударственного механизма.

Такой подход идейными корнями уходит в господствовавшую в советской теории международного права концепцию отрицания международной правосубъектности индивида. Физическое лицо не может прямо обладать правами и нести обязанности по международному праву [Курс...1967:161–165; Курс...1989:159–181]. Международные правозащитные нормы применяются к индивиду опосредованно, лишь будучи воплощенными в нормы внутригосударственного права.

В нынешних реалиях принять такую позицию сложно. Международные стандарты прав человека не только предусматривают обязанность государства как участника соответствующего международного соглашения или правоприменителя международного обычая, но и прямо предоставляют индивиду права и даже возлагают на него абстрактные обязанности, ориентированные на прямое применение в пределах национальной юрисдикции и непосредственное регулирование внутригосударственных отношений.

Международные правозащитные стандарты являются неотъемлемым компонентом статуса личности по международному и внутригосударственному праву. Об этом свидетельствуют текстуальные формулировки большинства правозащитных международных договоров регионального и универсального уровней. Речь идет о формулах типа: «каждый человек имеет право...» (Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.); «каждый имеет право...», «право каждого на...», «никто не может быть...» (Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г.); «каждый человек имеет право...» (Всеобщая декларация прав человека 1948 г.); «женщинам принадлежит...», «женщинам могут...» (Конвенция о политических правах женщин 1959 г.). Данные буквальные положения исходят из того, что права и свободы предоставляются человеку, государство же принимает на себя обязательства по обеспечению и соблюдению правозащитных стандартов.

¹⁸ Правда, в УПК РФ допущена терминологическая неточность: общепризнанные принципы и нормы и международные договоры РФ указаны как часть законодательства, а не правовой системы России.

Судебная защита прав и свобод человека справедливо считается эффективным юридическим средством, обеспечивающим их последовательную реализацию. Традиционным механизмом такой защиты является деятельность национальных судов как одной из разновидностей органов государственной власти. Регулятором этой деятельности служат нормы внутригосударственного права, прежде всего, конституционные предписания. В их числе норма ч. 1 ст. 46 Конституции РФ: «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод».

Интерес к национальной судебной деятельности присущ и международно-правовому регулированию. Всеобщая декларация прав человека 1948 г. гласит: «Каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему Конституцией или законом» (ст. 8). В несколько иной форме такой подход выражен в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г.: каждый имеет право при рассмотрении предъявляемого ему уголовного обвинения или при определении его прав и обязанностей в гражданском процессе на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона (п. 1 ст. 14). Аналогичны предписания действующей в рамках Совета Европы Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (п. 1 ст. 6).

Особое внимание к национальным судебным средствам, свойственное как внутригосударственным, так и международно-правовым нормам, проявилось в ситуациях вывода проблемы защиты прав и свобод человека на международный уровень. Конституционный суд РФ неоднократно ссылался в своих постановлениях и определениях на ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах и на ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод для обоснования права, гарантированного не только Конституцией РФ, но и нормами международного права.

Конституционный суд РФ особое внимание обращает на судебную защиту прав и свобод человека и гражданина как взаимосогласованный процесс, совмещающий национальные и международные механизмы, включая названные выше. Конституционный суд неоднократно подтверждал в своих постановлениях право каж-

дого человека и гражданина, в соответствии с международными договорами РФ, обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты, как это и предусмотрено ч. 3 ст. 46 Конституции РФ.

Наиболее эффективная система рассмотрения индивидуальных обращений (жалоб) и юридического реагирования на нарушения государственными органами или должностными лицами государств прав человека сложилась в рамках Совета Европы в соответствии с Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней.

В ст. 13 Конвенции провозглашается «право на эффективное средство правовой защиты». Здесь речь идет о праве каждого, чьи права и свободы нарушены, на правовую защиту в государственном органе. И хотя в тексте Конвенции нет специальных положений о праве на юридическую защиту в межгосударственном органе, по существу, такое право предполагается в формулировке ст. 34 о компетенции Европейского Суда по правам человека принимать индивидуальные жалобы от лиц или групп лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одним из государств – участников Конвенции их прав, признанных в Конвенции или в протоколах к ней. Согласно формулировке этой же статьи Конвенции, договаривающиеся государства обязались «никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права». Очевидно, под «этим правом» здесь понимается прежде всего не право Суда принимать жалобы, а право индивида направлять жалобы в Суд.

Вслед за ст. 6 Всеобщей декларации прав человека ст. 16 Международного пакта о гражданских и политических правах устанавливает: «Каждый человек, где бы он не находился, имеет право на признание его правосубъектности». Данную норму можно рассматривать не только в пространственном, но и в юридическом аспекте, имея ввиду универсальность личностной правосубъектности применительно к национальному и международному правопорядку. Иное восприятие и ограничение правосубъектности личности рамками национального права приводит «к разрыву структуры ее правового статуса» [Международное право и... 1991:27]. Добавим к сказанному, что при ином подходе содержание достоинства личности как юридической категории распадается на две неравные и лишенные

единства составные части: достоинство, реализуемое в комплексе собственных усилий личности и охранительной деятельности государства (внутренний компонент достоинства), и достоинство, обеспечиваемое исключительно государством вне самостоятельных действий личности (международный компонент достоинства). В первом случае презюмируются взаимодействующие правосубъектности личности и государства, а во втором – правосубъектность личности отвергается и как бы покрывается правосубъектностью государства¹⁹.

В этом плане любопытна точка зрения профессора Г. В. Игнатенко, который считал, что так называемая помощь государства может проявляться и во внутригосударственной сфере при нормальных взаимоотношениях равноуровневых субъектов. Применительно же к международной сфере, если отвлечься от явно проступающего в приведенной фразе патерналистского настроя, речь должна идти о добросовестном выполнении государством международных обязательств, охватывающих и его содействие реализации прав находящихся под его юрисдикцией индивидов, – прав, признанных международными договорами и образующих в совокупности самостоятельную международную правосубъектность индивида [Игнатенко 1999:33]. Наиболее значимым проявлением такого статуса служит право на обращение в договорные органы по защите прав и свобод, при осуществлении которого индивид вступает в отношения с компетентным международным органом.

В связи с совмещением международно-правового и внутригосударственного (конституционного) регулирования правозащитных стандартов в статусе личности следует обратить внимание на существенные различия, которые выявляются при сопоставлении Конституции РФ и международно-правовых актов. Пожалуй, самым заметным конституционным пробелом является отсутствие в гл. 2 Конституции РФ положения, которое в ст. 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. провозглашено как «право каждого на достаточный жизненный уровень для него самого и его семьи, включающий достаточное питание, одежду и жилище, и непрерывное улучшение условий жизни».

Можно предположить, что разработчики Основного закона исходили из реальности, характерной для того времени. Некоторую гибкость государствам предоставляет п. 1 ст. 2 Пакта, касающийся постепенного и, затем (постепенного и полного) осуществления признаваемых в нем прав «в максимальных пределах имеющихся ресурсов». В этом смысле внутригосударственная имплементация международного стандарта, определяющего достойный уровень жизни, в контексте конституционной цели формирования и развития социального государства не выглядела бы настолько обременительной. Отсутствие же такого права едва ли соотносится с международно-правовыми обязательствами России.

Согласно ч. 1 ст. 50 Конституции РФ, «никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление». Формула *non bis in idem* воплощена в ст. 4 Протокола № 7 к Европейской конвенции о защите прав человека: «Никто не должен быть повторно судим или наказан в уголовном порядке в рамках юрисдикции одного и того же государства за преступление, за которое уже был оправдан или осужден в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами этого государства». Очевидна более содержательная конвенционная характеристика данного правила. Таким образом, при согласованном толковании и применении указанных норм следует исходить из невозможности не только повторного осуждения, но и привлечения к судебной ответственности, причем и в ситуациях первоначального оправдания.

Признание непосредственного применения во внутригосударственных отношениях международных договоров и общепризнанных принципов и норм международного права предполагает трактовку прав и свобод человека и гражданина в соответствии с такими международно-правовыми нормами и стандартами, даже в тех случаях, когда такие права и свободы не имеют аналога в Конституции и федеральных законах либо отличаются во внутригосударственном нормативном исполнении от предписаний международного права по содержательным параметрам.

В подобных ситуациях попытка «разобщения» прав и свобод на два замкнутых пространства (международно-правовое и внутригосударственное), в пределах которых существуют

¹⁹ Лукашук И.И. *Международное право. Общая часть: учебник*. М.: Волтерс Клувер. 1996. С. 18.

собственные субъективные адресаты, порождает не только «раздвоение» личностного статуса, но и сведение международно-закрепленных прав и свобод к незавидной роли декларированных, но лишенных ценностных ориентиров категорий. Вряд ли возможно даже гипотетически представить права, которые юридически признаны и сформулированы, но не являются субъективными правами.

4. Заключение

Идея приоритета международного права над внутригосударственным понятна и проста, как ясно и очевидно естественное превосходство общей договоренности над индивидуальной прихотью отдельного. Однако каким бы ожидаемым и доступным не казался этот вывод, все же современное международное право, уверенно устанавливая собственный приоритет, отдает на откуп государству вопрос о месте международно-правовых норм в национальной правовой системе [Черниченко 2018:10; Bogdandi 2008:403;

Crawford 2012:186–188]. И не стоит преувеличивать нормативную ценность провозглашенного в национальных конституциях верховенства международного права над национальным: во многих цивилизованных государствах даже рядовой закон юридико-технически может обладать большей силой, чем международное обязательство государства [Исполинов 2017:74–75]. Это – вопрос внутригосударственного правоприменения и согласованного толкования норм обеих правовых систем. В конце концов приоритет одного вовсе не значит отказ в признании и даже реализации предписаний другого.

Российский случай – яркий пример такой неоднозначности. Заложенная в конституционный текст идея приоритета международного права претерпела существенные изменения в сторону сужения ее правоприменения. Точечные правки Конституции с целью адаптировать ее предписания к изменившейся практике все еще оставили открытым вопросом о взаимосогласованности конституционных положений. На это Конституционному Суду еще предстоит дать ответ.

Список литературы

- Алексеев С.С. 2009. *У истоков Конституции России. Субъективные заметки*. Екатеринбург. 42 с.
- Белов С.А. 2020. Конституционные ограничения временного применения положений международного договора, предусматривающих передачу споров в инвестиционный арбитраж. – *Закон*. № 12. С. 126–135.
- Вайпан Г. 2016. Трудно быть Богом: Конституционный Суд России и его первое дело о возможности исполнения постановления Европейского суда по правам человека. – *Сравнительное конституционное обозрение*. № 4. С. 107–124. DOI: 10.21128/1812-7126-2016-4-107-124
- Зимненко Б.Л. 2006. *Международное право и правовая система РФ*. М.: Статут. 454 с.
- Зимненко Б.Л. 2010. *Международное право и правовая система Российской Федерации. Общая часть*. М.: Российская академия правосудия. 414 с.
- Иваненко В.С. 2010. Международные договоры и конституция в правовой системе России: «война верховенств» или мирное взаимодействие? – *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. № 3. С. 135–161.
- Иваненко В.С. 2010. Международные договоры, Конституция и правовая система Российской Федерации: эволюция соотношения и тенденции взаимодействия. – *Российский ежегодник международного права*, 2009. СПб.: СКФ «Россия-Нева». С. 25–32.
- Игнатенко Г.В. 1999. Достоинство личности и международная правосубъектность. – *Достоинство человека: от философско-правовой идеи к конституционному принципу современного государства: Материалы межрегионального научно-практического семинара*. Под ред. В.В. Невинского. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та. С. 31–40.
- Игнатенко Г.В. 2003. Конституция и международное право: как упорядочить неадекватные нормы. – *Конституционное развитие России: история и современность (материалы российской научно-практической конференции)*. Екатеринбург. С. 7–12.
- Исполинов А.С. 2017. Вопросы взаимодействия международного и внутреннего права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. – *Российский юридический журнал*. № 1. С. 73–93.
- Исполинов А.С. 2020. Новые полномочия Конституционного Суда РФ по проверке конституционности решений международных судов и арбитражей. – *Закон*. № 12. С. 61–73.
- Курс международного права: в 6 т. Т. 1. Понятие и сущность современного международного права*. 1967. М.: Наука. 284 с.
- Курс международного права: в 7 т. Т. 1: Понятие, предмет и система международного права*. Отв. ред. Р.А. Мюллерсон, Г.И. Тункин. 1989. М.: Наука. 360 с.
- Марочкин С.Ю. 2011. *Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации*. М.: Норма. 288 с.
- Медведев Д.А. 2018. 25 лет Конституции: баланс между свободой и ответственностью. – *Закон*. № 12. С. 8–16.
- Международное право и советское законодательство: коллективная монография*. Отв. ред. Г.И. Курдюков. 1991. Казань. 147 с.
- Новосельцев А.Ю., Степанюгин К.В. 2021. Участие России в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 46–56. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-46-56>.

18. Пунжин С.М. 2010. Правовая система России и международное право (вариации на тему статьи С. В. Бахина). – *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. № 2. С. 234–256.
19. Усенко Е.Т. 2008. *Очерки теории международного права*. М.: Норма. 240 с.
20. Черниченко С.В. 2009. *Очерки по философии и международному праву*. М.: Научная книга. 766 с.
21. Черниченко С.В. 2017. Тезис о верховенстве международного права и Конституция Российской Федерации. – *Российский ежегодник международного права*, 2016. СПб.: СКФ «Россия-Нева». С. 20–35.
22. Черниченко С.В. 2018. Европейский Суд по правам человека: проблема неисполнимости постановлений. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 6–17. DOI: 10.24833/0869-0049-2018-3-6-17
23. Bogdandi A.von. 2008. Pluralism, direct effect, and the ultimate say: On the relationship between international and domestic constitutional law. – *International Journal of Constitutional Law*. Vol. 6. Issue 3-4. P. 397–413. DOI: <https://doi.org/10.1093/icon/mon015>
24. Crawford J. 2012. *Brownlie's Principles of Public International Law*. 8th ed. Oxford: Oxford University Press. 888 p. DOI: 10.1093/he/9780199699698.001.0001
25. Mälksoo L. 2021. International Law and the 2020 Amendments to the Russian Constitution. – *American Journal of International Law*. Vol. 115. Issue. 1. P. 78–93. DOI: <https://doi.org/10.1017/ajil.2020.87>
26. Peters A. 2016. *Beyond Human Rights: The Legal Status of the Individual in International Law*. Cambridge: Cambridge University Press. 590 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781316687123>.
27. Peters A. 2009. Supremacy Lost: International Law Meets Domestic Constitutional Law. – *Vienna Journal on International Constitutional Law*. Vol. 3. Issue 3. P. 170–198. DOI: 10.5451/unibas-ep9867
- macy of International Law and the Constitution of the Russian Federation]. – *Rossiiskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava*, 2016 [Russian Yearbook of International Law, 2009]. Saint Petersburg: SKF "Rossiya-Neva" Publ. 2017. P. 20–35. (In Russ.)
7. Crawford J. *Brownlie's Principles of Public International Law*. 8th ed. Oxford: Oxford University Press. 2012. 888 p. DOI: 10.1093/he/9780199699698.001.0001
8. Ignatenko G.V. Dostoinstvo lichnosti i mezhdunarodnaya pravosub"ektnost' [Human dignity and international personality]. – *Dostoinstvo cheloveka: ot filosofsko-pravovoi idei k konstitutsionnomu printsipu sovremennogo gosudarstva: Materialy mezhregional'nogo nauchno-prakticheskogo seminara*. Pod red. V.V. Nevinskogo [Human dignity: from idea of philosophy towards constitutional principle of modern state: workshop materials. Ed. by V.V. Nevinskii]. Barnaul: Izd-vo Altaiskogo un-ta Publ. 1999. P. 31–40. (In Russ.)
9. Ignatenko G.V. Konstitutsiya i mezhdunarodnoe pravo: kak uporyadochit' neadekvatnye normy [The Constitution and international law: how to arrange inadequate norms]. – *Konstitutsionnoe razvitie Rossii: istoriya i sovremennost' (materialy rossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii)* [Constitutional Development of Russia: past and present (materials of conference)]. Yekaterinburg. 2003. P. 7–12. (In Russ.)
10. Ispolinov A.S. Novye polnomochiya Konstitutsionnogo Suda RF po proverke konstitutsionnosti reshenii mezhdunarodnykh sudov i arbitrazhei [New powers of the Russian Constitutional Court to review the constitutionality of decisions of international courts and arbitration tribunals]. – *Zakon*. 2020. No. 12. P. 61–73. (In Russ.)
11. Ispolinov A.S. Voprosy vzaimodeistviya mezhdunarodnogo i vnutrennego prava v resheniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii [Issues of relationship of international and domestic law in the judgments of the Constitutional Court of the Russian Federation]. – *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*. 2017. No. 1. P. 73–93. (In Russ.)
12. Ivanenko V.S. Mezhdunarodnye dogovory i konstitutsiya v pravovoi sisteme Rossii: "voina verkhoventv" ili mirnoe vzaimodeistvie? [International treaties and the Constitution in the legal system of Russia: "a conflict of supremacies" or peaceful interaction?]. – *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*. 2010. No. 3. P. 135–161. (In Russ.)
13. Ivanenko V.S. Mezhdunarodnye dogovory, Konstitutsiya i pravovaya sistema Rossiiskoi Federatsii: evolyutsiya sootnosheniya i tendentsii vzaimodeistviya [International treaties, the Constitution and the Legal System of the Russian Federation: the evolution of interrelation and tendencies of interaction]. – *Rossiiskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava*, 2009 [Russian Yearbook of International Law, 2009]. Saint Petersburg: SKF "Rossiya-Neva" Publ. 2010. P. 25–32. (In Russ.)
14. *Kurs mezhdunarodnogo prava v 7 tomakh. T. 1: Ponyatie, predmet i sistema mezhdunarodnogo prava*. Otv. red. R.A. Müllerson, G.I. Tunkin [The Course of International Law in 7 volumes. Vol. 1: The Concept, Subject and System of International Law. Ed. by R.A. Müllerson, G.I. Tunkin]. Moscow: Nauka Publ. 1989. 360 p. (In Russ.)
15. *Kurs mezhdunarodnogo prava: v 6 t. T. 1. Ponyatie i sushchnost' sovremennogo mezhdunarodnogo prava* [The Course of International Law: in 6 volumes. Vol. 1. The Concept of Modern International Law]. Moscow: Nauka Publ. 1967. 284 p. (In Russ.)

References

1. Alekseev S.S. *U istokov Konstitutsii Rossii. Sub"ektivnye zametki* [Roots of the Russian Constitutional. Humble remarks]. Ekaterinburg. 2009. 42 p. (In Russ.)
2. Belov S.A. Konstitutsionnye ogranicheniya vremennogo primeneniya polozhenii mezhdunarodnogo dogovora, predumtrivayushchikh peredachu sporov v investitsionnyi arbitrazh [Constitutional limitations upon provisional application of international treaty which provides for jurisdiction of international investment arbitration]. – *Zakon*. 2020. No. 12. P. 126–135. (In Russ.)
3. Bogdandi A.von. Pluralism, direct effect, and the ultimate say: On the relationship between international and domestic constitutional law. – *International Journal of Constitutional Law*. 2008. Vol. 6. Issue 3-4. P. 397–413. DOI: <https://doi.org/10.1093/icon/mon015>
4. Chernichenko S.V. Evropeiskii Sud po pravam cheloveka: problema neispolnimosti postanovlenii [The European Court on Human Rights: the problem of unenforceable judgments]. – *Moscow Journal of International Law*. 2018. No. 3. P. 6–17. (In Russ.). DOI: 10.24833/0869-0049-2018-3-6-17
5. Chernichenko S.V. *Ocherki po filosofii i mezhdunarodnomu pravu* [Remarks on philosophy and international law]. Moscow: Nauchnaya kniga Publ. 2009. 766 p. (In Russ.)
6. Chernichenko S.V. Tezis o verkhovenstve mezhdunarodnogo prava i Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii [The Pri-

16. Mälksoo L. International Law and the 2020 Amendments to the Russian Constitution. – *American Journal of International Law*. 2021. Vol. 115. Issue. 1. P. 78–93. DOI: <https://doi.org/10.1017/ajil.2020.87>
17. Marochkin S.Yu. *Deistvie i realizatsiya norm mezhdunarodnogo prava v pravovoi sisteme Rossiiskoi Federatsii* [The Operation of International Law in the Russian Legal System]. Moscow: Norma Publ. 2011. 288 p. (In Russ.)
18. Medvedev D.A. 25 let Konstitutsii: balans mezhdru svobodoi i otvetstvennost'yu [The 25th anniversary of the Constitution: balancing freedom and responsibility]. – *Zakon*. 2018. No. 12. P. 8–16. (In Russ.)
19. *Mezhdunarodnoe pravo i sovetское zakonodatel'stvo: kollektivnaya monografiya*. Otв. red. G.I. Kurdyukov [International law and the soviet legislation: a collective monograph. Ed. by G.I. Kurdyukov]. Kazan'. 1991. 147 p. (In Russ.)
20. Novoseltsev A.Yu., Stepanyugin K.V. Uchastie Rossii v Evropeiskoi konventsii o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod [Russia's Participation in the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms]. – *Moscow Journal of International Law*. 2021. No. 1. P. 46–56. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-46-56>.
21. Peters A. *Beyond Human Rights: The Legal Status of the Individual in International Law*. Cambridge: Cambridge University Press. 2016. 590 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781316687123>.
22. Peters A. Supremacy Lost: International Law Meets Domestic Constitutional Law. – *Vienna Journal on International Constitutional Law*. 2009. Vol. 3. Issue 3. P. 170–198. DOI: [10.5451/unibas-ep9867](https://doi.org/10.5451/unibas-ep9867)
23. Punzhin S.M. Pravovaya sistema Rossii i mezhdunarodnoe pravo (variatsii na temu stat'i S. V. Bakhina) [The legal system of Russia and international law (variations on a theme of the article by S.V. Bakhin)]. – *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*. 2010. No. 2. P. 234–256. (In Russ.)
24. Usenko E.T. *Ocherki teorii mezhdunarodnogo prava* [Remarks on international law theory]. Moscow: Norma Publ. 2008. 240 p. (In Russ.)
25. Vaiypan G. Trudno byt' Bogom: Konstitutsionnyi Cud Rossii i ego pervoe delo o vozmozhnosti ispolneniya postanovleniya Evropeiskogo suda po pravam cheloveka [Hard to be a God: the Russian Constitutional Court and its first case on enforceability of a judgment of the European Court of Human Rights]. – *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 2016. No. 4. P. 107–124. (In Russ.). DOI: [10.21128/1812-7126-2016-4-107-124](https://doi.org/10.21128/1812-7126-2016-4-107-124)
26. Zimnenko B.L. *Mezhdunarodnoe pravo i pravovaya sistema RF* [International law and the Russian legal system]. Moscow: Statut Publ. 2006. 454 p.
27. Zimnenko B.L. *Mezhdunarodnoe pravo i pravovaya sistema Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya chast'* [International Law and Russian legal system. General Part]. Moscow: Rossiiskaya akademiya pravosudiya Publ. 2010. 414 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Лев Александрович Лазутин,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права, Уральский государственный юридический университет

620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.

mp@usla.ru

ORCID: 0000-0002-3479-6612

Максим Александрович Лихачев,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и европейского права, Уральский государственный юридический университет

620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.

m.a.likhachev@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7848-5007

About the Authors

Lev A. Lazutin,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of International and European Law, Ural State Law University

21, ul. Komsomolskaya, Yekaterinburg, Russian Federation, 620137

mp@usla.ru

ORCID: 0000-0002-3479-6612

Maksim A. Likhachev,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Department of International and European Law, Ural State Law University

21, ul. Komsomolskaya, Yekaterinburg, Russian Federation, 620137

m.a.likhachev@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7848-5007